

Лариса Кангаспуро, кандидат исторических наук,
докторант кафедры истории, научный сотрудник
и преподаватель кафедры мировых культур
Университет Хельсинки, Финляндия
larisa.kangaspuro@helsinki.fi

Источники по истории тюремного дела в Великом княжестве Финляндском: официальные материалы и периодика на русском языке

Великое княжество Финляндское, Российская империя, тюрьма,
источники

The Grand Duchy of Finland, the Russian Empire, prison, sources

Анализ содержания указанных источников позволяет доказательно утверждать, что в начале XIX в. проблемы в пенитенциарной сфере имели общемировую тенденцию. Исследуемый материал содержит свидетельства о реальной практике функционирования тюремного дела на окраине, а также о фактической, а не декларируемой позиции имперского руководства по вопросам развития финляндской пенитенциарной системы. Таким образом, эволюция карательной системы в Финляндии во многом была определена становлением ее государственной автономии в рамках Российской империи.

Analysis of the sources proves that penitentiary problems had worldwide character in the beginning of the 19th century. The material gives evidence about the real practices of the jails in the provinces. It also shows, what were the real and not just declared attitudes of the Imperial leadership, concerning the development of the Finnish penitentiary system. The development of the Finnish punishment system was largely determined by the development of its autonomic position in the framework of the Russian Empire.

Едва ли нужно пространно рассуждать о роли источников в работе исследователей, занимающихся реконструкцией прошлого. Тема моей статьи не является исключением из общего правила, поскольку

пенитенциарная система составляла и составляет неотделимую часть государственной политики, поэтому получила значительное и регулярное отражение в материалах официального характера. В публикации использован новый архивный и публицистический материал, не введенный в научный оборот.

К числу наиболее важных источников этого периода относятся памятники финляндского законодательства. Как известно, войдя в состав Российской империи, Финляндия унаследовала не только шведскую правовую систему, но и местное законодательство. В начале XIX столетия на исполнение наказаний распространялись нормы из Отделов о преступлениях и наказаниях Уложения Швеции, принятого риксдагом в 1734 г. и утвержденного 23 января 1736 г. манифестом шведского короля Фредерика I (1720–1751). Наряду с денежными взысканиями чаще всего в уложении встречались смертная казнь, телесные и позорящие наказания. Наказание лишением свободы применялось в незначительных случаях. Принципы гуманности и справедливости, провозглашенные в Западной Европе в XVIII в., проникли и на север, смягчая нравы и образ мыслей. В 1779 г. при короле Густаве III (1771–1792) в Шведском королевстве, а следовательно, и на финляндской территории была отменена смертная казнь за некоторые виды преступлений, что привело к расширению применения тюремного заключения. При Густаве IV (1792–1809) была начата тюремная реформа. Однако она осталась незаконченной из-за причин, связанных с мировой политикой¹. В 1807 г. было переиздано упомянутое Уложение Швеции с последними изменениями и дополнениями. В 1812 г. нормы его распространялись на так называемую Старую Финляндию, которая вместе с другими губерниями, присоединенными в 1809 г., составила Великое княжество Финляндское. В 1824 г. по указу русского царя Александра I Уложение было переиздано в Санкт-Петербурге на русском и шведском языках под названием «Уложение Швеции, принятое на Сейме 1734 г. и Его Императорским Величеством утвержденное для Великого княжества Финляндского». Позднее оно переиздавалось на русском языке с изменениями и дополнениями в 1827 г. [2] и 1891 г. [3].

Как известно, в 1820-е гг. произошли значительные изменения в управлении Финляндией. Генерал-губернатором в конце 1823 г. был назначен А. А. Закревский. Придерживаясь монаршей линии и относя

¹ В соответствии с договором, заключенным между Наполеоном и Александром I в 1807 г. в Тильзите, Россия должна была склонить Швецию к континентальной блокаде. Поскольку переговоры по данному вопросу оказались безуспешными, в 1808 г. между Швецией и Россией началась война [1, с. 1].

декабристов к государственным преступникам, Закревский тем не менее проявлял снисхождение по отношению к тем декабристам, кто первое время отбывал заключение в тюрьмах Финляндии [4]. Ознакомившись с условиями содержания заключенных в тюрьмах страны, он охарактеризовал их как тягостные, почти невыносимые, считая их наследием шведской системы. По его мнению, необходимо было приступить к реформам на основе русских образцов [5, с. 1]. Сравнивая крепости в Финляндии с Петропавловской крепостью и крепостью Орешек, декабрист Якушкин пришел к выводу, что содержание в Финляндии не было «строгим», однако в материальном отношении крепости в княжестве были хуже. В том, что пребывание декабристов в Финляндии оказалось хотя бы отчасти сносным, была в значительной степени заслуга генерал-губернатора Закревского [6, с. 85].

Первоначально проекты финляндских законов обычно составлялись на шведском языке, но для высочайшего утверждения и подписания — на русском. Текст на русском языке получал значение подлинного текста закона, а на шведском — официального перевода. Лишь немногие нормативные акты, относящиеся к первому времени присоединения Финляндии, были изложены и высочайше подписаны на французском языке. Распоряжения финляндского сената и других органов местной власти, не нуждавшиеся в высочайшем утверждении, составлялись очень часто только на шведском языке. В особо важных случаях присоединялся официальный перевод на русский язык. В 1808–1859 гг. все постановления печатались на отдельных листах без общего наименования и нумерации. Нередко русский текст не был напечатан. В конце XIX в. при Государственной канцелярии была создана Комиссия для систематизации финляндских законов, которая разыскала, кодифицировала и опубликовала недостающие русские переводы. Исходя из хронологической последовательности, нормативные акты были опубликованы под названием «Собрание постановлений Финляндских. Узаконения, обнародованные на русском языке. С дополнениями» в трех томах с 1902 по 1904 г. По распоряжению председателя этой комиссии, известного русского юриста и государственного деятеля Н. Д. Сергеевского вышли в свет «Хронологический указатель к Сборнику Постановлений Великого Княжества Финляндского. 1860–1891. Узаконения, имеющиеся в шведском издании сего Сборника, но не внесенные в издание Сборника на русском языке», а также «Обзор установлений Финляндии в таблицах».

В Уложение по-прежнему входили Отделы о преступлениях и наказаниях, регулировавшие финляндскую пенитенциарную систему. Постановления о губернских казенных тюрьмах 1818 г. и 1824 г.

вводили нормы относительно питания, одежды, санитарных условий. Была предпринята попытка регламентировать режим содержания заключенных и функции служебного персонала. Печатный экземпляр Устава для вышеупомянутых тюрем на русском, шведском и финском языках должен был быть прибит к стене в каждой камере, а также читаться всем заключенным два раза в год.

После того как Финляндия стала частью Российской империи, остро встал вопрос обновления всего уголовного законодательства. Отдельные усовершенствования в соответствии с международными достижениями пенитенциарной науки того времени были проведены непосредственно финляндским сенатом от имени императора. В постановлениях о губернских казенных тюрьмах 1818 [7, с. 86–87] и 1824 [8, с. 105] гг. была предпринята попытка регламентировать режим содержания заключенных и функции служебного персонала. Вводились нормы относительно питания, одежды, санитарных условий содержания арестантов.

В соответствии с постановлением 1826 г., приговоренные к смертной казни по финляндским законам, но помилованные мужчины пожизненно высылались в Сибирь на каторжные работы. С тех пор в Финляндии смертные приговоры фактически ни разу не приводились в исполнение. Законом от 1848 г. ссылка в Сибирь распространилась на приговоренных к лишению свободы за бродяжничество и лиц женского пола. С 1888 г. ссылка была заменена бессрочной принудительной работой в финляндских тюрьмах.

В 1839 г. был принят Устав для рабочих и исправительных учреждений в Финляндии. Помимо утверждения общей концепции для персонала — «истинное человеколюбие, соединенное с просвещенным рассудком и бескорыстным усердием к общественному благу» [9, с. 403] — устанавливались в каждом учреждении должности: проповедника, лекаря, секретаря, бухгалтера, смотрителя, вахмистра, обязанности которых были расписаны отдельными параграфами.

Первые централизованные «перемены и улучшения в тюремной части в Финляндии» были проведены законом от 30 августа 1848 г. Вводилась классификация содержания заключенных с разделением их по характеру и степени преступления, одиночное заключение для подсудимых. Исправление оступившихся уже тогда составляло главную задачу лишения свободы в Финляндии. Было рекомендовано занимать заключенных «приличными работами, но для предупреждения всяких беспорядков и злоупотреблений, только в пользу казны» [10, с. 336]. Кроме того, закон содержал разные определения, направленные на устранение наиболее резких недостатков тюремной

системы. Например, была отменена возложенная на жителей обязанность, сохранившаяся в некоторых финляндских губерниях с середины XVIII в., строить и содержать общественные губернские остроги. Отныне она возлагалась на казну автономии.

С 1860 г. издание «Сборника Постановлений Великого Княжества Финляндского» в Гельсингфорсе в сенатской типографии на русском языке стало носить ежегодный характер. С 1907 г. публиковался «Сборник новейших Узаконений и Высочайших Повелений, касающихся Финляндии».

Официальным языком окраины был признан шведский. Финский язык в силу неразвитости признавался языком простонародья. Во второй половине XIX в. шла острая борьба по вопросу о статусе финского языка. В эту языково-политическую борьбу власти империи включили и русский язык. Центральное место занимало введение в обращение в финляндском сенате русского языка как основного в целях сближения окраины с империей. Применение принудительных мер против главенствующего положения политически невыгодного шведского языка неизбежно — считали монархисты, — иначе невозможно устранить главное препятствие росту влияния России. Языком учреждений по-прежнему преимущественно являлся шведский, и финнам приходилось довольствоваться прилагаемыми к бумагам переводами. Так называемый Манифест о языке был подписан в 1900 г., при генерал-губернаторе Н. И. Бобрикове, предполагая введение его в действие с 1905 г. Центральные учреждения княжества и губернские управления должны были общаться с сенатом и генерал-губернатором только по-русски. Уже в 1901 г. император пожаловал губернаторам «право» перейти при их желании на русскоязычную переписку до истечения срока. Внедряя русский язык на всех ступенях управленческой лестницы, тем самым генерал-губернатор стремился обеспечить себя отрядом надежных помощников в борьбе с финляндским сепаратизмом. Соответствующим образом было изменено и издание «Сборника Постановлений Великого Княжества Финляндского», в котором переводы на местные языки нельзя было публиковать отдельно от русского текста. Центральным учреждениям и городским управлениям предстояло перейти на русский язык в переписке не только с вышестоящими, но и с нижестоящими чиновниками. В вопросе о языке, используемом учреждениями, проводившаяся Бобриковым постепенная административная русификация была неограниченной. Вместо желаемого сближения Финляндии и России произошло их еще большее обособление (подробнее см.: [11, с. 123–140]).

Ориентироваться в большом количестве законодательно-нормативных актов, опубликованных в приведенных выше изданиях, помогал особый, носящий полуофициальный характер, «Алфавитный указатель к Постановлениям, относящимся до Великого Княжества Финляндского». Указатель был составлен Н. Н. Корево и издавался в течение 1907–1909 гг. в трех томах. С 1905 г. по распоряжению председателя Временной комиссии для составления сведений по финляндским законам и систематизации этих законов стал публиковаться «Параллельный Русский, Финский и Шведский словарь по Общему Уложению и Постановлениям Великого Княжества Финляндского». Он служил пособием в делопроизводстве, так как был составлен посредством сопоставления текстов законов в официальных изданиях. По распоряжению все той же комиссии в 1901 г. в Санкт-Петербурге вышел в свет «Указатель узаконений, относящихся до Великого Княжества Финляндского (Швеция–Ингерманландия–Старая Финляндия). 1649–1808». До 1898 г. финляндские законодательные акты можно найти в Полном собрании законов Российской империи в тех случаях, когда этот акт бы обнародован и в империи. В последующее время все Высочайше утвержденные нормативные акты вносились в этот сборник.

При изучении законодательных источников второй половины XIX в. особую важность имеет доскональное рассмотрение всех стадий создания того или иного акта. С возобновлением работы Сейма в 1863 г., как никогда ранее, законотворческая процедура усложняется, представляя собой такую совокупность посредствующих моментов, какая с точки зрения своей сложности в предшествующие периоды никогда не наблюдалась. Особенно показательна в этом смысле история создания нового финляндского Уголовного уложения, вторая часть которого содержала нормы, регулировавшие исполнение наказания. Это стало делом не только законодательным, но и идеологическим и политическим.

Основной принцип будущего Уголовного уложения был выдвинут еще на Сейме 1863–1864 гг. Оно должно было поддерживать не только общественную безопасность и уважение к закону и давать суду возможность определять меру наказания соразмерно степени содеянного, но также стремиться, согласно истинному духу христианства, к исправлению преступника мерами, совместимыми с характером уголовной кары, не лишая наказание значения серьезной репрессии.

Особого внимания заслуживает составление, принятие и введение в действие нового финляндского Уголовного уложения, вторая часть которого содержала нормы, касавшиеся исполнения наказаний. Новое уложение — продукт местного законодательного творчества, в котором объединили усилия финляндский сенат и сейм, охранявшие в первую

очередь блага и интересы своего края и обслуживавшие общегосударственные интересы России под углом зрения местной жизни. Длительное многопроектное создание финляндской уголовной и уголовно-исполнительной кодификации было обусловлено поэтапным завершением буржуазных преобразований в социально-экономической и политической жизни княжества, противоборством разных направлений классической школы уголовного права, к которым принадлежали авторы отдельных проектов, их ориентацией на различные иностранные образцы, а также борьбой шведоманского и финнофильского направлений национально-политических партий Финляндии за приоритет по созданию кодификации. В Уложении 1889 г. на первый план было выдвинуто исправление преступника, так как сильное влияние оказали концепции К. Г. Эрштрема. Еще во время разработки проекта 1875 г. он, в противовес заимствованной из Германии возмездной теории наказания позитивиста Вирта, выдвинул идею, что не возмездие, а перевоспитание составляет суть наказания. Первый проект был издан в 1875 г. для отзывов компетентных органов и лиц автономии. Ввиду полученных замечаний была назначена новая комиссия для пересмотра первого проекта. Проекты с изменениями представлялись данной комиссией еще дважды, в 1883 и 1884 гг. Окончательный вариант был передан на обсуждение земским чинам на Сейме 1888 г., который в главных чертах был одобрен. В него вошло Постановление об исполнении наказаний. В 1889 г. новый уголовный кодекс получил высочайшее утверждение, но затем его введение в действие (намеченное на 1 января 1891 г.) было приостановлено манифестом 1890 г., который обязал земские чины вновь рассмотреть законодательный акт. Этот исключительный в истории законодательства факт был вызван тем обстоятельством, что, по мнению российских законодателей, составители Уложения определили Финляндию как самостоятельное государство, а Россию, по отношению к ней, как иностранную державу. Это не соответствовало официальной точки зрения Российской империи. Подробно этот вопрос изложен в работах Р. Н. Дусаева [12; 13].

Появление второй редакции Уложения было вызвано не столько теоретическими просчетами авторов редакции 1889 г., сколько политической борьбой вокруг государственной автономии Великого княжества. В силу значительного сопротивления всех политических партий и большинства государственных деятелей Финляндии попытки не увенчались существенным успехом. А потому уголовное право России не оказало заметного влияния на изменение соответствующих положений уголовного законодательства. Поскольку в теоретико-

правовом отношении финляндская уголовная кодификация 1889 г. была одной из самых передовых среди европейских стран того времени, то царскому правительству пришлось удовлетвориться лишь незначительными изменениями, которые основывались на поправках, разработанных членами совместной российско-финляндской комиссии, образованной специально для создания второй редакции (1894 г.) уголовного уложения Финляндии.

Измененное Уложение получило утверждение и вступило в действие, согласно манифесту 14 апреля 1894 г. Но было бы слишком смело утверждать, что оно было переработано коренным образом. Принимавший непосредственное участие в этом процессе Н.С. Таганцев утверждал, что этот пересмотр имел характер «штопанья, хотя и нового, но оказавшегося дырявым платьем, и притом штопанья наиболее бьющих в глаза прорех» [14]. Поэтому не следует переоценивать их значение, так как большинство норм осталось не затронутыми изменениями, сохранив свой самобытный характер.

Полемика вокруг первой редакции Уголовного уложения, о которой я уже упоминала, велась на шведском языке. Лишь конечный результат в виде самого Уложения 1889 г. был переведен на русский язык для Высочайшего утверждения. И только после его опубликования развернулась «борьба» между финляндскими и российскими юристами и государственными деятелями, которая получила широкое освещение в различных русскоязычных периодических изданиях и прессе. Для России характерно неоднократное возвращение к уже утвержденным проектам, которые никогда не принимались с первого раза.

При изучении истории данного периода большее значение, чем законодательным актам, принадлежит делопроизводственным источникам, т.е. документам, образовавшимся в ходе функционирования разного рода бюрократических учреждений. Характеристику делопроизводственных источников необходимо начинать с истории государственных учреждений и четкого представления о функциях этих учреждений, их подчиненности и отношениях между ними. Финляндия под именем Великого княжества Финляндского заняла исключительное, по сравнению с другими частями империи, положение. Спор о положении автономии в составе метрополии начался еще в 1830-е гг. и обострился на рубеже веков. Финляндские дела представлялись в Петербурге непосредственно монарху министром статс-секретарем, минуя российских министров. В 1811 г. им была учреждена Комиссия финляндских дел. Министр статс-секретарь ведал императорской канцелярией по всем делам гражданского управления княжеством, принимал и докладывал императору все эти дела и сообщал мнение его

генерал-губернатору. Генерал-губернатор в свою очередь стоял во главе всей администрации края. Он состоял председателем финляндского сената. Ему принадлежал надзор за всеми исполнительными органами власти. При нем состояли помощник и канцелярия. Многих исследователей интересовали функции, подчиненность и отношения между этими государственными структурами. Поэтому они получили подробное освещение еще у современников: М. М. Бородкина, Н. Д. Сергеевского, Н. С. Таганцева, К. Ф. Ордина, Н. М. Коркунова, П. М. Лякуба и других авторов [6].

Прежде всего — это переписка между центральными и местными органами, подготовительные материалы и справки по вопросам управления территорией и жизни общества окраины. Весьма значительная часть делопроизводственных материалов не была опубликована как в начале XX в., так и впоследствии. Эти неопубликованные русскоязычные материалы хранятся в Национальном архиве Финляндии в фондах Канцелярии министра статс-секретаря и Канцелярии генерал-губернатора.

С конца XIX в. систематическая публикация делопроизводственных материалов получила довольно широкое распространение. Опубликование отчетов всевозможных ведомств для широкого доступа общественности явило собой проявление демократических принципов. На основе отчетов, представленных финляндским тюремным управлением, в 1890 г. вышла книга на русском языке Адольфа Гротенфельда «Тюремное дело в Великом Княжестве Финляндском с приложением планов основных пенитенциарных учреждений» [15]. Она содержала сведения об истории тюремного законодательства, тюремной системы и превентивных мерах в автономии. Вызывает бесспорный интерес мнение местной власти о проведении тюремной реформы, ее недостатках и развитии тюремного дела вообще, изложенное в изданных официальных переводах на русский язык «Отчетов Прокурора Финляндского Сената о судопроизводстве и наблюдении за применением законов в крае, сообщенных Сейму Финляндии». Также на русском языке были изданы в Гельсингфорсе «Всеподданнейшие отчеты Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената», в которых содержатся сведения о тюрьмах и содержании арестантов.

В это же время в автономии все большее развитие, по сравнению с предшествовавшим временем, приобретают статистические материалы. С 1877 г. выходил «Статистический ежегодник. Финляндия», где наряду с другим цифровым материалом представлялись сведения по «Тюремной части» княжества. Здесь наглядно иллюстрировалась

степень эффективности применения «Постановления о исполнении наказаний лишением свободы» от 26 ноября 1866 г., а также Уголовного кодекса от 1894 г. в борьбе с преступностью.

Первостепенное значение при изучении истории конца XIX — начала XX в. имеют материалы тогдашней периодики. Именно периодическая печать начинает формировать и отражать общественное мнение. Вплоть до начала 60-х гг. XIX в. о Финляндии писалось в миролюбивых тонах, причем в первые десятилетия после присоединения княжество воспринималось как далекая провинция империи, несмотря на близость Хельсинки к Санкт-Петербургу. Ситуация стала меняться с 1880-х гг., когда российские правящие круги начали идеологическое и юридическое наступление на автономное положение Финляндии и открыто стали обсуждать «финляндский вопрос». Национальные противоречия повлияли на все слои общества и на все стороны социальной жизни княжества.

Столкновение интересов различных политических партий и течений Финляндии вокруг проектов тюремной реформы в рамках совершенствования уголовной кодификации получило отражение не только в финляндской, но и российской периодической печати. Этот вопрос привлек больше внимания российской прессы, чем когда-либо раньше. К концу XIX в. княжество стало объектом всеобщего внимания общественности России. У одних это вызывало восхищение, у других — зависть, часть русских считало Финляндию передовой страной, другие же рассматривали ее как опасный пример для национальных меньшинств империи. Статьи на эту тему публиковались в популярных газетах и журналах: «Новое время» [16], «Свет» [17], «Вестник Европы» [18, с. 22], «Право» [19], «Журнал Министерства юстиции» [20], «Журнал гражданского и уголовного права» [21], «Юридическая летопись» [14] и др. Неизвестный автор как нельзя лучше охарактеризовал общественное мнение по поводу так называемого «финляндского вопроса»: «Нападения на Финляндию и финляндские порядки все больше и больше входят в обиход известных органов печати. В “Московских ведомостях”, например, они сделались почти такой же еженедельной рубрикой, как метеорологический бюллетень или список театральные представлений. Чрезвычайно редкое явление составляет, наоборот, газетная или журнальная статья, относящаяся к Финляндии дружелюбно или хотя бы беспристрастно» [22, с. 422].

Публикации, непосредственно касавшиеся пенитенциарной системы в автономии, печатались в имперском журнале «Тюремный вестник», издававшемся Главным тюремным управлением с 1893 г. У журнала время от времени были корреспонденты в Финляндии.

При чтении официальных описаний тюрем нельзя получить того впечатления, какое выносится при личном их посещении, когда имеется возможность ознакомиться со всем тем, что бывает сознательно или бессознательно пропущено в официальных источниках. На страницах специального журнала «Тюремный вестник» делились своими впечатлениями, которые вынесли при непосредственном осмотре, тюремные деятели. Подтверждая неподдельный интерес к финляндской пенитенциарной системе, журнал размещал подобного рода материалы. В одной из статей мы читаем: «На работы и их организацию уделено много внимания. Особенно грязных и вредных для здоровья работ <...> нет. Незанятых арестантов почти нет, что надо поставить в большую заслугу администрации тюрьмы и центрального управления, как главного руководителя тюремной жизни» [23, с. 313]. В другой статье: «Тюремная стража, числом меньше, чем у нас, подразделялась на старших и младших надзирателей или, в женских тюрьмах, надзирательниц. Арестантские кухня и ванная комнаты обращают на себя внимание своею чистотою и практическим устройством» [24, с. 278]. «В конторе нашему российскому глазу бросается малый размер бумагописания. Нельзя не отметить также порядка и чистоты во всем» [23, с. 312]. «Заболеваемость финляндцев-арестантов равна 5 %, русских же — около 10 %. Это уже говорит о лучшем состоянии тюрем, а к этому и должны стремиться врачи» [25, с. 438]. Причину относительно хорошего санитарного состояния русский врач, осматривавший финские тюрьмы, видел в том, что тюремный врач являлся членом тюремной администрации и имел право «полного» голоса на заседаниях тюремного совета. При таком положении врач был осведомлен обо всех изменениях как в правовых, так и бытовых вопросах, что увеличивало его ответственность за происходившее. «Столь высокое положение врача, как члена комиссии, управляющей тюрьмой, с полным голосом, — пишет доктор Н. Н. Лебедев, — побуждает меня высказать ту мысль, что и русскому тюремному врачу необходимо было бы предоставить права и положение его заграничных (Германия) коллег и взять для примера нашу окраину — Финляндию» [Там же, с. 439].

В 1900 г. была учреждена «Финляндская газета» — первый русский орган в крае, издававшийся в Гельсингфорсе при управлении генерал-губернатора и выходивший 4 раза в неделю. Любопытна большая статья, опубликованная в нескольких номерах газеты под названием «В колонии для малолетних преступников. (Летняя экскурсия)» [26]. Статья в занимательной форме повествует о первом государственном исправительно-воспитательном учреждении для малолетних преступников

и порочных мальчиков, которое было открыто в 1891 г. в Койвула, недалеко от Гельсингфорса.

Также выходил ежегодный обзор периодической печати, изданной в Финляндии, который представлял собой калейдоскоп из периодики, выходившей на шведском и финском языках в переводе на русский. Оттуда, например, можно узнать, что в 1891 г. на должность Главного директора Финляндского тюремного управления был назначен А. Грипенберг, но в 1901 г. был уволен за «противление высочайшим повелениям». Он принадлежал к тем чиновникам, которые в годы противозакония «были стражами финляндских законов» [27, с. 142]. Не миновала и этот государственный орган т. н. политика единообразия [11]. Вторично ведомство Грипенберг возглавил лишь спустя пять лет, в 1906 г., в самый разгар торжества шведоманской политики, и подал по болезни в отставку в 1911 г.

Однако финляндские тюрьмы управлялись особым порядком и имели свое центральное управление в Гельсингфорсе. Они не входили в состав общеимперской пенитенциарной системы и не подчинялись Главному тюремному управлению Российской империи, находившемуся в Санкт-Петербурге. Россия старалась идти в ногу с мировыми пенитенциарными достижениями, но эффективность их воплощения в масштабах страны была сомнительной. Однако тюремная реформа в Великом княжестве Финляндском, имперской окраине, проводилась в умеренном духе, разумно и энергично. К концу XIX в. автономия имела больше «посадочных» мест в учреждениях лишения свободы, чем было преступников. Социальная культура и характер народа наложили на некоторые стороны организации и ведения тюремного быта свой отпечаток.

Изучая фрагменты прошлой реальности, важно воспроизвести на их основании взаимосвязанную картину той культуры, того общества, остатком которой они являются. Сравнительно с предшествующим периодом появилось множество новых видов административно-управленческой, финансово-хозяйственной и общественно-политической документации, резко возрос объем служебной и деловой переписки. В это время приобретала все более важную роль книжная и газетно-журнальная издательская деятельность, охватившая, в сущности, уже тогда все сферы жизни человека и общества. Сильнейшим образом влияли политические реалии. Вышеозначенные источники следует рассматривать с точки зрения имперского правительства и тогдашних государственных интересов, поскольку принцип государственного единства России, который являлся руководящим началом русской политики на финляндской окраине, был своего рода «категорическим императивом».

Литература

1. Юнтунен А. Ссылка финнов в Сибирь из автономного Великого княжества Российской империи и ссыльные в Сибири: Резюме. Хельсинки, 1984.

2. *Прибавление* к изданному Высочайшему повелению с переводом на русский язык, существующему в Великом Княжестве Финляндском. СПб., 1827.

3. *Общее* Уложение и дополнение к нему узаконения Финляндскаго: Издание на основании официальных шведско-финляндских источников, Кронида Мальшева. СПб., 1891.

4. *Высочков Л. В.* Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823–1831 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Мат-лы V ежегодной науч. конф. (23–25 апреля 2003 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, С. Ю. Трохачева. СПб., 2004. С. 18–31.

5. *Национальный* архив Финляндии. Фонд канцелярии генерал-губернатора. Опись Всеподданнейшим докладам финляндского Генерал-Губернатора, Генерал-Адъютанта Закревского с 1823 по 1830. Са. 1. (Национальный архив).

6. *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005.

7. *Регламент* о колодниках, содержащихся в губернских казенных тюрьмах Великаго Княжества Финляндии. № 12 от 21 ноября 1818 г. Инструкция вахмистрам и тюремным работникам при губернских казенных тюрьмах Великаго Княжества Финляндскаго. № 25 от 21 ноября 1818 г. // Сборник постановлений Финляндских. Узаконения, обнародованные на русском языке. С дополнениями. 1808–1839: В 3 т. СПб., 1902. Т. 1.

8. *Высочайший* Его Императорскаго Величества устав для казенных губернских тюрем в Великом Княжестве Финляндском. № 36 от 25 октября 1824 г. // Сборник постановлений Финляндских. Узаконения, обнародованные на русском языке. С дополнениями. 1808–1839: В 3 т. СПб., 1902. Т. 1.

9. *Высочайший* Его Императорскаго Величества устав для рабочих и исправительных заведений в Великом Княжестве Финляндском. № 165 от 17 декабря 1839 г. // Сборник постановлений Финляндских. Узаконения, обнародованные на русском языке. С дополнениями. 1808–1839: В 3 т. СПб., 1902. Т. 1.

10. *Высочайшее* Его Императорскаго Величества объявление касательно разных перемен и улучшений по тюремной части в Великом Княжестве Финляндском. № 339 от 30 августа 1848 г. // Сборник

постановлений Финляндских. Узаконовения, обнародованные на русском языке. С дополнениями. 1840–1849: В 3 т. Т. 2. СПб., 1903.

11. *Полвинин Т.* Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997.

12. *Дусаев Р. Н.* Уголовное уложение Великого Княжества Финляндского. История создания, основные институты. Л., 1988.

13. *Дусаев Р. Н.* Кодификация уголовного законодательства Финляндии XIX в.: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1992.

14. *Законодательная хроника об уголовном уложении В. К. Финляндского* // Юридическая летопись. 1891. СПб., 1891. Ч. 1. С. 130.

15. *Гротенфельт А.* Тюремное дело в Великом Княжестве Финляндском: Отчет, представленный финляндским Тюремным управлением в апреле 1890. Гельсингфорс, 1890.

16. *Тюремная реформа.* Корреспондент из Гельсингфорса // Новое время. 28.02.1898. № 7904.

17. *О пребывании* в Финляндии членов тюремного конгресса // Свет. СПб. 22.06.1890. № 141.

18. *Финляндское уголовное уложение, в связи с общим финляндским вопросом* // Вестник Европы. СПб., 1891. № 3. С. 452–464.

19. *Германсон Р.* Статья 2-я российских основных законов и финляндская конституция // Право. СПб. 20.04.1908. № 16. С. 899–911.

20. *Случевский В. К.* Столкновение русских и финляндских законов // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1908. № 5. С. 105–137.

21. *Новое уголовное уложение Финляндии* // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1890. № 7. С. 157.

22. *Из общественной хроники* // Вестник Европы. СПб., 1890. № 5. С. 422–424.

23. *Лебедев Н. Н.* Тюрьмы в Финляндии (санитарный очерк) // Тюремный Вестник. СПб., 1909. № 4. С. 308–319.

24. *Х. Ц.* Места заключения в Финляндии // Ревельские известия. Ревель, 1893. № 77–78; см. также: *Тюремный вестник.* СПб., 1893. № 7. С. 273–278.

25. *Лебедев Н. Н.* Тюрьмы в Финляндии (окончание) // Тюремный вестник. СПб., 1909. № 3. С. 423–439.

26. *В колонии для малолетних преступников. (Летняя экскурсия)* // Финляндская газета. Гельсингфорс. 10.07.1907. № 100; 14.07.1907. № 102; 17.07.1907. № 104.

27. *Финляндия: Обзор периодической печати.* Вып. 18. СПб., 1911. С. 142.